

Как же добр учитель!

Преподнеся наставнику в дар брусок отменной туши, Чу Цы прилежно уселся в зале, готовясь выслушать заслуженный укор.

— А-Цы, ты был чересчур порывист, — заговорил учитель, качая головой. — Разве пристало тебе прилюдно распускать руки в споре с этим Чжу Цзе? Ты ведь сам даешь повод для кривотолков, что может дурно сказаться на твоём добром имени. Впрочем, то, что ты вспомнил о Башне сокровищницы иероглифов, свидетельствует о твоей смекалке.

Учителем Чу Цы в уездном училище был тот самый Учитель Цинь, который когда-то заметил его талант в академии Цишань. Ему было чуть за сорок; худощавый, в просторном ученом халате, он казался человеком, отринувшим мирскую суету, — в его облике сквозило нечто от небожителей.

— Учитель слишком добр ко мне, — смущенно отозвался Чу Цы, изобразив на лице крайнюю неловкость. — Правду сказать, я и сам не сразу додумался до этого. Лишь благодаря тайному знаку брата Коу мне удалось найти выход из затруднительного положения.

— Если это был он, то ничего удивительного, — Учитель Цинь вздохнул, и в голосе его промелькнула тень грусти. — Жаль только, что всё сложилось именно так...

Чу Цы вспомнил о шраме на лице Коу Цзина и прекрасно понял, о чем сокрушается наставник. Испокон веков к государственной службе допускались лишь те книжники, чей облик был безупречен и лишен изъянов. Для самого Чу Цы отметина на щеке воина не значила ровным счетом ничего, но для карьеры чиновника она стала непреодолимым препятствием, настоящим бедствием.

— Однако ты пришел сегодня не просто для того, чтобы навестить старика, не так ли? — Учитель Цинь сменил тему, не желая обсуждать чужие судьбы за глаза.

— Хе-хе, учитель — истинный мудрец, видит меня насквозь! Ученик столкнулся с неясностью в одном деле и надеется на ваше наставление, — Чу Цы заискивающе улыбнулся.

Мягкое и доброжелательное отношение наставника Циня часто напоминало ему старого профессора из прошлой жизни, а потому юноша невольно проникался к нему симпатией и в разговоре позволял себе капельку той доверительности, что граничила с сыновней привязанностью.

Глядя на улыбающегося Чу Цы, Учитель Цинь внезапно заговорил серьезнее:

— Признаться, я опасался, что после случившихся бед ты падешь духом и бросишь учение. Раньше мне всегда казалось, что ты слишком много берешь на сердце — должно быть, слава одаренного ребенка, пришедшая к тебе в ранние годы, давила тяжким грузом. Мне редко доводилось видеть твою искреннюю улыбку. Отрадно знать, что теперь ты обрел покой в душе. Для меня это большая радость.

У Чу Цы зашипало в глазах.

«Ведь прежний владелец этого тела действительно не выдержал удара судьбы. Гора долгов и неоправданные надежды на учебу раздавили его, и он предпочел бегство из этого мира»

Этот наставник понимал своего ученика куда лучше, чем тот мог вообразить. Не зря древние ставили учителя в один ряд с Небом, Землей и родителями — в те времена наставник и впрямь был вторым отцом.

— Благодарю за вашу заботу и доброту, — Чу Цы совершил глубокий поклон, отдавая дань уважения и за себя, и за того, прежнего юношу. — Если бы не вы, учитель, если бы не ваши труды по моему спасению, я бы, верно, уже влачил жалкое существование в ссылке, навсегда лишившись надежды. У меня есть любящие родные дома, а здесь — наставник, пекущийся о моем будущем. Как же мне не радоваться жизни?

— Хорошо, что ты так мыслишь. О рангах и чинах пока не думай. Прежде, когда ты собирался на экзамен, я сказал, что ты готов, но сделал это лишь для того, чтобы придать тебе уверенности. По правде говоря, даже если бы ты прошел тогда, твое имя стояло бы в конце списка. Но если эти три года ты посвятишь прилежному труду, то звание Сань-юань цзи-ди станет для тебя достижимым.

Учитель Цинь громко рассмеялся, подбадривая ученика.

— Я свято помню ваши наставления, учитель. Обещаю усердно заниматься дома, не позволяя себе лени. Мой сегодняшний визит как раз и касается вопросов науки.

Чу Цы преподнес наставнику исписанные листы и поведал о своем намерении издать сборник задач. Однако Учитель Цинь не сразу разделил его энтузиазм.

— Если ты станешь тратить силы на подобные дела, когда же тебе останется время на само учение? — старик опасался, что Чу Цы отвлечется от главного. Он боялся, как бы его лучший ученик не уподобился мелочным торговцам, готовым на всё ради наживы.

— Учитель, мудрец сказал: «Тот, кто, повторяя старое, узнает новое, может быть наставником». Составляя эти задачи, я заново прохожу весь изученный материал, закрепляя знания в памяти. Разве это не двойная польза?

Видя сомнение на лице собеседника, юноша продолжил:

— К тому же, вы знаете, учитель, моя семья всегда жила в нужде. Чтобы дать мне образование, близкие отдали последнее. Когда пришла беда, нам пришлось продать все земли. Я не могу спокойно смотреть, как мать и брат голодают из-за меня, и хочу использовать свои знания, чтобы отплатить им добром. Обещаю вам: как только в доме воцарится достаток и нужда отступит, я с прежним рвением вернусь к книгам.

— Порыв твой чист, и сердце полно сыновней почтительности, — Учитель Цинь одобрительно кивнул. Прежде чем добиться успеха, он и сам изведал горький вкус бедности, а потому понимал чувства юноши. — Что ж, я помогу тебе. Но помни: не смей погрязнуть в мирской суете и забыть о истинном призвании.

— Слушаюсь, учитель.

Когда Чу Цы показал наставнику задачи по тецзин, мои и Цзючжан, тот, хоть и старался не подавать виду, был изрядно удивлен.

Вопросы были составлены мастерски, особенно те, что касались Цзючжан. Задачи были разнообразны, но каждая опиралась на четкий пример, а способы их решения порой оказывались куда изящнее и проще тех, что использовались в училищах.

Дойдя до раздела стихов и од, Учитель Цинь не удержался от смешка. Рифма была соблюдена безупречно, но сами стихи казались пресными и натянутыми, а рассуждения в них — вымученными. На фоне блестящих математических задач эти строки выглядели как невзрачный булыжник подле драгоценной жемчужины.

Чу Цы покраснел от стыда.

«Сразу видно руку мастера — наставник мгновенно разглядел мою слабость»

Следующие несколько часов Учитель Цинь давал Чу Цы частный урок. Он начал с тонкостей рифм «Сяо», «Юань» и «Сянь», перешел к правилам сложения ритмических стихов и закончил искусством чередования тонов. Чу Цы слушал, не сводя глаз с наставника, боясь упустить хоть малейшее слово.

Объяснения учителя не были сухой теорией. К каждому правилу он тут же слагал четверостишие, чтобы ученик мог наглядно увидеть, как оживает слово.

— ...Ну вот, основное я изложил. Если ты прилежно соединишь услышанное сегодня со своими прежними знаниями, то твоих умений вполне хватит для уездного экзамена.

Конечно, личное усердие ученика значило не меньше. Нельзя сказать, что любой, кто

прорешает эти задачи, непременно сдаст экзамен, но для тех, кому не хватает лишь малого шага до успеха, этот сборник станет поистине крыльями тигра.

— Благодарю за вашу щедрость в наставлении, учитель! — радостно воскликнул Чу Цы.

Кое-что он знал и раньше, но знания его были отрывочны. Теперь же слова Учителя Циня словно распахнули перед ним запертые двери. Глядя на классические строки, он чувствовал, что туман в его голове рассеивается.

— Вижу по лицу, что ты почерпнул немало. Что ж, тогда... — Учитель Цинь огляделся вокруг и задумчиво произнес: — Сложи-ка мне семисловное стихотворение о сливе. Рифма тринадцатой категории Юань.

Чу Цы посмотрел в сад. Там росла старая слива; ее изогнутые, узловатые ветви были усыпаны мелкими белыми цветами, создавая картину изысканную и строгую. На земле под деревом лежало несколько лепестков — должно быть, ночной северный ветер сорвал их с ветвей.

Долго и мучительно подбирая слова, Чу Цы наконец произнес:

— Холодный ветер не стер былых следов, Опавший цвет укрыл души благоуханье.

За ночь исчезло всё, не оставляя знаков, В увядших лепестках — заката угасанье.

Закончив, он с надеждой воззрится на учителя, ожидая его суда.

В рифму Юань входили и слова «благодать», и «тепло», но Чу Цы с трудом выудил лишь «след», «душа» и «закат».

— ...В этих строках сквозит излишняя горечь, — Учитель Цинь с сожалением посмотрел на ученика. Ему явно не нравились стихи, написанные по шаблону, без отражения истинных чувств. — Похоже на «вымученную печаль ради новой оды».

Древние слагали стихи, чтобы выразить свои стремления и волю. Где же видано, чтобы кто-то, подобно Чу Цы, просто подгонял слова под рифму ради хитрости?

Чу Цы неловко улыбнулся. Что поделать — в этом искусстве он и впрямь был не силен.

— Ладно, умение писать стихи приходит с опытом и чувствами. Даю тебе задание: вернувшись домой, ты должен слагать по одному стихотворению в день. Рифма и размер — любые, но чувства должны быть истинными. Больше не смей отлынивать. Когда придешь в следующий раз, принеси все свои труды. Понял?

— Ученик понял, — Чу Цы понурился.

«Странное чувство — привыкнув быть учителем, снова оказаться в роли школяра, которому задали уроки. Теперь я понимаю тех сорванцов, которых заставляют писать дневники»

— Вижу, ты не слишком доволен. Должно быть, задания показались тебе легкими. Что ж, добавим-ка еще... — в глазах наставника Циня промелькнула лукавая искорка.

— Дорогой, А-Цы, пора обедать! — из кухни вышла Супруга учителя Цинь с подносом в руках.

— Идем, матушка! — звонко отозвался Чу Цы, поймав на себе строгий взгляд наставника.

Поспешно улыбнувшись Учителю Циню, он бросился помогать накрывать на стол, в душе благодаря наставницу за то, что она вовремя прервала речь мужа о новых заданиях.

Обед был прост: четыре блюда и чаша похлебки. Две тарелки добавили лишь в честь гостя, в обычные же дни чета Цинь довольствовалась малым. В этом проявлялась скромность наставника, не любившего роскошь.

У Учителя Циня и его жены было двое детей: дочь уже вышла замуж и жила в чужой семье, а сын обучался в области Ганьчжоу, в доме деда по материнской линии.

Двоим старикам в доме было одиноко, но сегодня, благодаря шуткам и байкам Чу Цы, они оба съели по лишней чаше риса. После обеда наставник вручил юноше тему для цзавэнь, наказав подготовить его дома.

Когда Чу Цы вышел от наставника, в училище было почти пусто — должно быть, все разошлись по трапезным. Редкие студенты, завидев его, издали кланялись, и Чу Цы вежливо отвечал на каждое приветствие.

У ворот он снова увидел Коу Цзина. Тот шел впереди размашистым шагом, и в каждом его движении чувствовалась решительность воина, привыкшего отдавать приказы. Чу Цы прибавил шаг.

— Брат Коу, погодите!

Коу Цзин обернулся. Его взору предстало лицо юноши, озаренное яркой улыбкой — столь светлой, что она могла поспорить с лучами летнего солнца.

— Вы тоже возвращаетесь? Я только что пообедал у наставника. А вы успели перекусить? — Чу Цы подумал, что если тот еще голоден, он мог бы пригласить его в трапезную и тем самым начать отдавать долг за помощь.

Коу Цзин кивнул. Если бы глава академии не удержал его за столом, он бы не задержался здесь допоздна.

— А я как раз хотел предложить сходить куда-нибудь, если вы голодны. Еще раз благодарю за сегодня. Вы выручили меня дважды, и я даже не знаю, как вас отблагодарить.

— Не стоит. Это лишь малая услуга, — повторил Коу Цзин свои прежние слова.

Но Чу Цы возразил:

— Как говорится, за каплю милости платят полноводным источником. Я не хочу прослыть неблагодарным. Когда вы будете свободны, позвольте мне угостить вас обедом.

— Завтра я возвращаюсь в лагерь, так что вряд ли представится случай, — Коу Цзин с сожалением посмотрел на разочарованного юношу и добавил: — Один мой близкий родственник в следующем году поступит сюда на учебу. Если вам будет нетрудно, присмотрите за ним.

Чу Цы кивнул, решив про себя, что речь идет о младшем брате.

Коу Цзин, словно угадав его мысли, уточнил:

— Это мой племянник, его зовут Чжунли Юй.

— А, брат Чжунли, — понимающе кивнул Чу Цы.

Коу Цзин невольно улыбнулся, собираясь пояснить, что племяннику всего семь лет, но его прервал громкий голос.

— Господин Чу! Сюда! Молодой господин прислал меня встретить вас!

В переулке Синего камня показался Сяо Чэн-цзы. Судя по всему, он ждал уже давно и, завидев Чу Цы, радостно замахал руками.

Чу Цы виновато улыбнулся Коу Цзину, промолвил «прощайте» и поспешил к мальчишке.

Коу Цзин провожал его взглядом.

«Ну что ж, когда придет время, он сам всё увидит»

<http://bllate.org/book/15354/1421370>